

Работая над историей заселения и развития долины реки Унды, я часто сталкиваюсь с интересными материалами. Сегодня хотелось бы рассказать о первых поселенцах, о которых пока мало писалось. Информацию о них нам дают списки переселённых и данные переписи, которая проходила по указу 1719 года.

Надо сказать, на момент этой переписи Нерчинску как городу было всего тридцать лет. Ближайшие его окрестности были уже хорошо изведаны. Главной проблемой региона была малолюдность, и как следствие – нехватка рабочих рук в сельском хозяйстве. Именно тогда правительством в Нерчинское Забайкалье на водворение отправляются крестьяне из центральных и соседних сибирских губерний. Не идя по трудному пути развития, правительство мечтало заселить колоссальную по размерам Сибирь, высылая в неё преступников, беспаспортных гуляк и чрез *«позволение добровольных переселенцев из Верхотурского ведомства»*. Сто семей беглых верхотурских крестьян было направлено из Тобольска в Нерчинск. О них сегодня и пойдёт речь.

Надо сказать, что «беглыми» их называли потому, что они бежали с Русского Севера на Урал, а там уже пытались расселиться по Зауралью. Позже, хоть они и не считались преступниками, их в документах так по старой памяти и называли «беглыми», хотя были они вполне обычными крестьянами. Просто получилось к тому времени в Верхотурье перенаселение.

Особый наказ государев, данный нерчинскому воеводе Бибикову об управлении казенными и земскими делами (от 01.02.1701 года), показывает, что наш край, полагалось заселить *«крестьянами, семейно бежавшими в Сибирь в больших толпах»*. Для этого в 1697 г. было послано в Нерчинск крестьян с жёнами и детьми 624 человека. Но дошли далеко не все. Кто-то умер от тягостей пути, но больше отстали по болезни, откупились взяткой или были переманены по дороге в страдавшие от малолюдья сибирские остроги. Не зря рассказывались по дороге страшные истории о «дальней Сибири». В результате долгого пути *«принято на лицо в Нерчинску крестьян тридцать семь, а с женами и с детьми сто тридцать два человека; да в 207 (1699) году, принято в Нерчинску ... тех крестьян двести семдесят один человек»*.

Некоторые источники говорят о том, что эти самые крестьяне и были расселены на пашню в трёх местах – в Городищенской, Ундинской и Алеурской слободах. Учитывая тот факт, что Унда основывается около 1699 года, то будет точнее сказать, что слободы и возникли как поселения крестьян, прибывших в Нерчинск в 1698-1699 гг. По отчётам, по весне 1700 года все новоприбывшие уже исправно пахали десятинную пашню. Надо сказать, что в Ундинской Слободе государевы крестьяне пахали *«по тяглу»* около 24 гектаров пашни. В Нерчинском уезде рекомендовалось тогда в зависимости от места сеять ярицу, гречиху, овёс и пшеницу.

Их первые годы жизни на забайкальской земле были трудными, поскольку в 1699 и 1700 годах был неурожай в Иркутском уезде. Это значило, что в Нерчинск привозной хлеб не отправлялся. Два этих тяжелых года приходилось питаться тем, что дарила суровая и непривычная местная природа.

Кроме того места считались беспокойными. Совсем недавно ушли отсюда китайские войска, осаждавшие Нерчинск. Свежа ещё была память о конфликте с Гантимуровыми людьми. Именно поэтому расселение велось не заимками а слободами. Это делалось из соображений безопасности жителей, *«чтоб воровские люди какова дурна не учинили»*. Слободы не только поскотиной огораживались, их велили ещё и *«надолбами крепить»*.

Итак, в самом начале XVIII века вокруг Нерчинска всё ещё простирались необъятные неосвоенные просторы. Чтобы освоить земли в округе, воеводской канцелярии и Сибирскому Приказу нужно было знать о количестве жителей. Без точной статистики планов не выстроишь. Именно поэтому в 1719 году издаётся указ о проведении переписи населения. Её материалы и рассказали нам о людях, впервые осевших на берегах красавицы Унды.

Ундинская слобода началась с 20 дворов, постепенно росла и развивалась. Результат мы видим как раз в материалах, зафиксированных в переписи. Хоть этот документ и отстоит от даты основания на 20 лет, но застаёт многих первожителей Унды.

Посмотрим внимательнее эти скаски, изданные в 1886 году под заглавием «Сибирские города. Материалы для их истории XVII и XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск». В книге есть сведения о переписи населения, *«о душах мужеска полу Сибирской губернии по указу 1719 г. города Нерчинска»*. В этом списке все жители самого Нерчинска, его предместий и отдалённых слобод. Листая материалы переписи, удивляешься почти что каждой фамилии, потому что все они очень знакомы. До сих пор в долине Унды живут потомки первых поселенцев, разошедшиеся по всему району.

В Восточную Сибирь крестьян сопровождал Пётр Мелешкин, на грубость и жестокость которого крестьяне неоднократно жаловались. Когда в 1699 году из Нерчинска отчитались о прибывших крестьянах, то в списке не оказалось Стеньки Силина Кушакова с детьми. Он *«от изгона Петра Мелешкина из Иркутска бежал а жена ево Феколка дети Кирилко Тараско идучи дорогою померли»*. Другие дети его *«Феоктиско, Лазарко дочь его Паранька остались в Иркутску, да дочь же Стенькина Афроська вышла замуж»*.

Через некоторое время в Нерчинск воеводой был назначен Юрий Бибииков. По дороге в Нерчинск он должен был собрать тех из переселенцев, кто отстал или разбежался по дороге. В его наказе

так и записано: *«дорогою едучи в Нарыме и в Кетском и в Енисейске, где которые крестьяне оставлены, ему Юрью сыскивать, и которых он сыщет, а на пашнях они не оселись, и шатаются меж дворов: и их взять ему Юрью с собою»*. Проезжая через Иркутск, он возможно, нашел Стеньку Кушакова с семейством и с собой привёз в Нерчинск и определил его на жительство в Ундинскую слободу.

Эту историю мы можем восстановить потому, что в первой ревизии 1719 года среди пашенных крестьян Ундинской слободы находим запись: *«Пашенный крестьянин Стефан Ушаков 70 лет, у него дети: Феокист 30 лет, Лазарь 25 лет, внучата: Иван 1 год, Спиридон ½ году»*. Дочь его Паранька, скорее всего была тут же в Унде. Жаль, но переписи того времени, в отличие от списков переселенцев, учитывают только мужское население. Ведь тягло (налогообложение того времени) распространялось только на взрослых мужчин, поэтому женщин переписывать смысла не было.

Кроме переселенцев в отстроившуюся Ундинскую слободу были отправлены и «разосланные». В мае 1700 года прибыли четыре человека: Иван Половой, Алексей Соколов (1705 году бежал), Степан Тарасов и ещё один, чьё имя не сохранилось. Все они – бывшие служилые люди – стрельцы. В марте-апреле 1698 года они в Москве выступили за царевну Софью против её брата Петра I. До конца октября 1698 года из «пущих заводчиков» и участников были казнены более 2000 человек, и более 2000 человек разосланы по городам и монастырям. Среди *разосланных* и наша четвёрка.

В списках первой ревизии мы находим только пашенных крестьян и оброчников. Служивых людей – казаков, в то время в Ундинской слободе не было, ведь создавалась она для водворения пахотных крестьян. Их задачей было обеспечивать Нерчинский острог хлебом. Нужно отметить, что к моменту переписи Ундинская слобода была уже крепким поселением. В ней проживало *«пашенных крестьян и детей их и племянников и родственников мужеского полу людей больших и малых 232 человека»*, из них, в бракоспособном возрасте не семейными были только 22 мужика. Из 20 дворов, выстроенных при основании, слобода разрослась до 59 дворов.

Чтобы управлять слободой от Нерчинской воеводской канцелярии был назначен «прикащик». В 1719 году его должность исправлял Пётр Медведников. Выборными от «мира» – населения слободы – были староста Иван Кочев да десятник Василий Поздеев. При их непосредственном участии и с их слов была проведена перепись.

Какие же фамилии мы находим в списках? Очень знакомые. Чтобы было понятно, в скобках после фамилии указано, сколько домохозяиств числилось под каждой из фамилий. Среди пашенных крестьян это: Кочевы (1), Лесковы (1), Ушаковы (5), Кокташевы (1), Димовы (3) Колобовы (3), Раздобреевы (1),

Бочкарёвы (2), Пьянковы (1), Пазниковы (1), Ваулины (1), Казаковы (2), Подоницыны (1), Пешковы (1), Пермьяковы (1), Черепановы (1), Мартюшевы (2), Титовы (1), Федотовы (1), Кряжевы (1), Кузнецовы (1), Пельменёвы (1), Шестаковы (1), Медведковы (2), Матафоновы (2), Коровины (1), Коневы (2), Шехиревы (2), Блинниковы (1), Окуловы (2), Жаравлёвы (1), Поздеевы (1), Дроздовы (1). Справедливости ради отметим, что семьи с одинаковыми фамилиями не обязательно родственники.

Все эти домохозяйства обрабатывали свои наделы и прирезанные к ним государевы наделы, как говорили тогда, пахали государеву пашню. Среди жителей Ундинской слободы были и те, кто перешёл на хлебный оброк. Это крестьяне: Баранов, Паздников, Димов, Казаков, Колобов. Переход на хлебный оброк способствовал интенсификации труда, так как со своего собственного надела необходимо было собирать кроме своего и оброчный хлеб. Это прогрессивное для начала XVIII века явление, как видим, сразу появилось и в Унде.

Были и бессемейные крестьяне: Клепалов с сыном, Селенин с сыном, Киргизов с 2 сыновьями, Верзильцев и безтяглой Лиханов.

Ундинская слобода развивалась очень активно. Семьи у поселенцев были многодетные и уже в первой трети XVIII века потребовалось расширить обжитое пространство. Да и основная цель переселения сюда крестьян была в расширении «государевой пашни», увеличения производства местного хлеба. Деревни, расположенные вокруг слободы и на небольшом от неё расстоянии, возникли быстро – в первые десятилетия существования самой слободы. Свои названия они получали по именам основателей: Лескова, Колобова, Бочкарёва, Казакова, Подойницына, Пешкова, Журавлёва, Димова. А Стефан Ушаков, про бегство которого мы рассказали ранее, потом с сыном Лазарем перебрался в Ёлкину деревню. Но это уже другая история, рассказанная «Книгой переписной выбывших после I ревизии...».

Опубликовано: Бaleyская новь. № 49 (660) от 2 июля 2013 г. – С. 4-5.